

В. Е. ВЕТЛОВСКАЯ

**«ХОЖДЕНИЕ ДУШИ ПО МЫТАРСТВАМ»
В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ» ДОСТОЕВСКОГО**

Статья, предлагаемая вниманию читателя, — продолжение опубликованной работы.¹ В ней говорилось о логике положений — в частности, о логике ситуации, в которой оказался Раскольников после совершенного преступления. Убив других, он убил себя; поэтому, оставаясь на земле, он «вояжирует» в направлении того света и на том свете. Ср.: «Не беспокойтесь, пожалуйста, это он только так... опять вояжирует. С ним, впрочем, это и наяву бывает...» (6, 94).

С тех пор как Раскольников принужден был пуститься в непредусмотренный им «вояж», повествование о нем развивается в двух планах: земном, реальном (поскольку герой еще жив) и потустороннем, нездешнем (поскольку герой уже умер).² Между этими двумя планами не всегда усматривается четкая грань — потому отчасти, что она нередко смазана в сознании главного героя: «Раскольников смотрел на все с глубоким удивлением и с тупым бессмысленным страхом. Он решил молчать и ждать: что будет дальше? „Кажется, я не в бреду, — думал он, — кажется, это в самом деле...”» (6, 95). В романе явь представляется видением и бредом, бред и видение — явью, и одно неприметно переходит в другое (наиболее ярко см.: 6, 212 и след.). Ввиду особого положения героя смертный сон, которым он охвачен, для него в известном смысле большая реальность, чем сама действительность. В результате она, удерживая всю свою посюстороннюю материальность, тоже (за редким исключением) приобретает характер сна: «— С какого времени сюда ходишь?

— Да ведь я же тебе давеча пересказывал; аль не помнишь?

Раскольников задумался. Как во сне ему мерещилось давешнее» (6, 100). Или: «А насчет чуда скажу вам, что вы, кажется, эти последние два-три дня проспали. Я вам сам назначил этот трактир

¹ См.: *Ветловская В. Е.* Анализ эпического произведения: Логика положений («Тот свет» в «Преступлении и наказании») // *Достоевский. Материалы и исследование.* СПб., 1997. Т. 14. С. 117—129.

² Такого рода двуплановость Достоевский оригинально обыгрывал и раньше — например, в «Двойнике», «Господине Прохарчине».

⟨...⟩ сам растолковал всю дорогу, рассказал место, где он стоит, и часы, в которые можно меня здесь застать. Помните?

— Забыл, — отвечал с удивлением Раскольников» (6, 356).

В этом глубоком забвении обстоятельства земной жизни героя освещаются призрачным, нездешним светом и звучат голосами вечности. Герой спит и видит сны.

Шекспировский мотив здесь предстает в конкретной и своеобразной разработке. Я имею в виду знаменитый монолог Гамлета, первые стихи которого (и не только они) легко угадываются в размышлениях Раскольникова до преступления: «Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать ⟨...⟩. Во что бы то ни стало надо решиться, хоть на что-нибудь, или...

„Или отказаться от жизни совсем! ⟨...⟩ послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда, и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить!“» (6, 39). Ср. перевод Н. Полевого:

Быть или не быть — вот в чем вопрос!
Что доблестнее для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться против моря зол
И победить его, исчерпав разом?³

В переводе А. Кронеберга:

Быть или не быть? вот в чем вопрос!
Что благороднее: сносить ли гром и стрелы
Враждующей судьбы или восстать
На море бед и кончить их борьбою?⁴

³ Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. М., 1985. С. 165. «Важнейшим явлением литературной и общественной жизни, — пишет Ю. Д. Левин, — становится „Гамлет“ в переводе Н. А. Полевого (1837) ⟨...⟩ Возможно, что этот перевод и привлек внимание Достоевского к драматургу. Именно Гамлета называет он в письме к старшему брату от 9 августа 1838 г. ⟨...⟩ самым раннем свидетельстве о его знакомстве с Шекспиром. Он даже знал наизусть отдельные места перевода Полевого: они так врезались ему в память, что он цитировал их в 60-е и 70-е годы, хотя тогда существовали уже новые переводы трагедии» (Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1974. С. 110). Достоевский цитировал перевод Полевого и в своем последнем художественном произведении — «Братья Карамазовы». См. об этом: Там же. С. 114, а также: Левин Ю. Шекспировские герои у Достоевского // Грузинская шекспириана. Тбилиси, 1975. Вып. 4. С. 223. Об отношении Достоевского к Гамлету см.: Там же. С. 218—223. В «Преступлении и наказании», как отмечает Ю. Д. Левин, прямая отсылка к Шекспиру видна в насмешливых словах Раскольникова о Разумихине — «Ромео» (6, 190, 191). См.: Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир. С. 113.

⁴ Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. С. 267. Мы приводим и перевод А. И. Кронеберга, который Достоевский тоже хорошо знал. «8 октября 1845 г. Достоевский сообщал брату, что познакомился у Белинского с А. И. Кронебергом,

Но в данном случае важнее продолжение. В переводе Н. Полевого:

Умереть — уснуть, не больше, и окончить сном
Странанья сердца, тысячи мучений <...>
Умереть, уснуть...

Уснуть — быть может, грезить? Вот и затрудненье!

Да, в этом смертном сне какие сновиденья

Нам будут <...>

Вот остановка, вот для чего хотим мы

Влачиться лучше в долгой жизни <...>

Когда покоем подарить нас может

Один удар! <...>

Но страх: что будет там? — там,

В той безвестной стороне, откуда

Нет пришельцев...⁵

В переводе А. Кронеберга:

Окончить жизнь — уснуть,

Не более! И знать, что этот сон

Окончит грусть и тысячи ударов <...>

Умереть? уснуть?

Но если сон виденья посетят?

Что за мечты на смертный сон слетят,

Когда стяхнем мы суету земную?

и т. д.⁶

Эти «мечты», по-видимому, бывают разными. Ср., например, цитируемое в романе стихотворение Лермонтова «Сон» («В полдневный жар в долине Дагестана...», 1841). Его припоминает умирающая Катерина Ивановна: «Ах, как я любила... Я до обожания любила этот романс, Полечка!.. знаешь; твой отец... еще женихом певал... О, дни! Вот бы; вот бы нам спеть!» (6, 333).

«Вечерний пир» романа на стихи Лермонтова в воображении Катерины Ивановны безусловно увязывается с счастливым началом ее жизни, когда красота и успехи выделяли ее среди других, когда она любила и была любима, когда никакая скорбь и забота не

„переводчиком Шекспира“ <...>. К тому времени Кронеберг перевел „Двенадцатую ночь“ (1841) и „Гамлета“ (1844). „Макбет“ в его переводе вышел в свет в том же изданном Некрасовым „Петербургском сборнике“ (1846), в котором печатались „Бедные люди“ (Левин Ю. Д. Достоевский и Шекспир. С. 112). «Гамлет» в переводе Кронеберга был опубликован в издании: Шекспир. Полное собрание драматических произведений в переводе русских писателей / Изд. Н. А. Некрасова и Н. В. Гербея. СПб., 1866. Т. 2. Это издание имелось в библиотеке Достоевского. См.: Гроссман Л. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919. С. 137.

⁵ Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы. С. 165.

⁶ Там же. С. 267.

омрачали юной и гордой души.⁷ Ср. рассказ Мармеладова: «...супруга моя в благородном губернском дворянском институте воспитывалась и при выпуске с шалью танцевала при губернаторе и при прочих лицах, за что золотую медаль и похвальный лист получила. Медаль... ну медаль-то продали... уж давно... гм... похвальный лист до сих пор у ней в сундуке лежит, и еще недавно его хозяйке показывала. И хотя с хозяйкой у ней наибесперывнейшие раздоры, но хоть перед кем-нибудь погордиться захотелось и сообщить о счастливых минувших днях (...) ибо сие последнее у ней и осталось в воспоминаниях ее, а прочее все пошло прахом!» (6, 15). Этот «похвальный лист» как доказательство бывшего благополучия, заслуженных притязаний на лучшую участь и, увы, несбывшихся надежд остается при Катерине Ивановне до гроба: «Она глубоко-глубоко вздохнула и умерла.

Соня (на квартиру которой перенесли умирающую Катерину Ивановну. — В. В.) упала на ее труп, обхватила ее руками и так и замерла, прильнув головой к иссохшей груди покойницы (...). И каким образом этот „похвальный лист“ очутился вдруг на постели, подле Катерины Ивановны? Он лежал тут же, у подушки; Раскольников видел его» (6, 334). Теперь, когда несчастная Катерина Ивановна умерла, «похвальный лист» рядом с нею выглядит какой-то странной и жестокой шуткой судьбы. Но пока героиня была жива, он не столько для других, сколько для нее самой был документом, свидетельствовавшим о том, что ее минувшее счастье — реальность, что оно не из области сна. А между тем эта реальность не слишком далека от сонных грез. Ср. мотивы стихотворения Батюшкова «Хор для выпуска благородных девиц Смольного монастыря» («Опыты в стихах и прозе», 1817), которое Катерина Ивановна могла бы назвать вместо отвергнутой ею «Разлуки» («Гусар, на саблю опираясь...», 1814) — другого произведения того же автора (6, 330):

Один голос

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Где время средь забав, веселий и трудов
Как сон промчалось скоротечной.

Хор

Прости, гостеприимный кров,
Жилище юности беспечной!
Подруги! сердце в первый раз
Здесь чувства сладкие познало...
и т. д.

⁷ Ср.: Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментарий. Л., 1979. С. 203.

У Батюшкова прощание с «гостеприимным кровом» исполнено благодарности и светлой грусти. И только. Здесь нет и намека на возможность слишком крутых поворотов в судьбах юных девиц, покидающих стены приютившего их жилища.

В отличие от беспечной юности, мелькнувшей как сон и в своей реальности требующей теперь доказательств, несчастья дальнейшей жизни Катерины Ивановны в особых подтверждениях не нуждаются. Они на виду у всех. Но если бы героиня могла заглянуть из прошлого в будущее, как она сейчас глядит в прошедшее, это будущее тоже предстало бы перед ней в виде невозможном и фантастическом — в виде сна. Веселый и радостный вначале, он становится с годами все более тяжелым и мучительным.

Заключительные моменты жизни Катерины Ивановны в некоторых подробностях совпадают с мотивами давно полюбившегося ей романа: смерть в жару, под открытым небом, с раной в груди и льющейся из нее кровью. Ввиду такого совпадения мотивы стихотворения Лермонтова в судьбе героини играют роль мрачного пророчества: «Она споткнулась на всем бегу и упала.

— Разбилась в кровь! О Господи! — вскрикнула Соня, наклонясь над ней.

Все сбежались, все затеснились кругом (...).

Но когда разглядели хорошенько Катерину Ивановну, то увидели, что она вовсе не разбилась о камень, как подумала Соня, а что кровь, обогрившая мостовую, хлынула из ее груди горлом.

— Это я знаю, видал, — бормотал чиновник Раскольникову и Лебезятникову, — это чахотка-с; хлынет этак кровь и задавит» (6, 332).

Если жизнь Катерины Ивановны подобна сну и даже — смертному сну, то смертный сон героя лермонтовского произведения, напротив, привязан к жизни.

Истолкование потусторонних видений этого героя предполагает сосуществование и взаимодействие двух планов. Один план, ближайший, побуждает усмотреть в этих видениях воплощение романтической мечты о глубоком сродстве избранных душ. Ср., например, — Пушкин о Ленском:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она...

и т. д.

(«Евгений Онегин»,
глава вторая, строфа VIII)

У Лермонтова родные души не может различить ни жизнь, ни смерть, поскольку каждая из этих душ, живет она или умирает, в безграничной любви и самоотречении без остатка принадлежит другой.

Второй план переводит сказанное в область романтической иронии. Ведь если смертный сон героя лишен провидческого смысла (а это вполне допустимо, так как никаких указаний на провидческий смысл сна здесь нет), то он становится только последней отчаянной мечтой о такой любви, самоотречении и таком необычайном сродстве — мечтой, не имеющей никакого отношения к реальности. Предложенное истолкование справедливо и в том случае, если сон обнимает все стихотворение (с первых строк), для начала унося героя к долинам Дагестана.⁸ Но куда бы и как бы далеко ни уносил этот сон, он оставляет героя в земных пределах.

По-другому обстоит дело с Раскольниковым. Видения смертного сна, которые посещают героя «Преступления и наказания», строятся по воле автора на основе традиционных православных представлений об исходе души из тела, переступающей или переступившей порог вечности.⁹

Покидая тело, душа поднимается вверх, к Богу, Небесному Судии всех ее слов, и чувств, и помышлений, всех ее дел, дурных

⁸ Иначе о стихотворении Лермонтова см.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 521—522.

⁹ На особое значение в романе *порога* обратил внимание М. М. Бахтин: «...порог и его заместители являются (...) основными „точками“ действия». Такими же «точками» он называет *верх, низ, лестницу, прихожую, площадку*. Здесь «совершается кризис, радикальная смена, неожиданный перелом судьбы (...) принимаются решения, переступают запретную черту, обновляются или гибнут». Все это исследователь толкует «в духе карнавальной символики». См.: *Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1963. С. 229, 228. В другой работе, говоря о *пороге*, Бахтин пишет: «...это хронотоп кризиса и жизненного перелома. Самое слово «порог» уже в речевой жизни (наряду с реальным значением) получило метафорическое значение и сочеталось с моментом перелома в жизни, кризиса, меняющего жизнь решения (или нерешительности, боязни переступить порог). В литературе хронотоп порога всегда метафоричен и символичен, иногда в открытой, но чаще в имплицитной форме. У Достоевского, например, порог и смежные с ним хронотопы лестницы, передней и коридора, а также и продолжающие их хронотопы улицы и площади являются главными местами действия в его произведениях, местами, где совершаются события кризисов, падений, воскресений, обновлений, прозрений, решений, определяющих всю жизнь человека. Время в этом хронотопе, в сущности, является мгновением, как бы не имеющим длительности и выпадающим из нормального течения биографического времени. Эти решающие мгновения входят у Достоевского в большие объемлющие хронотопы *мистерийного* и карнавального времени. Времена эти своеобразно соседствуют, пересекаются и переплетаются в творчестве Достоевского, подобно тому как они на протяжении долгих веков соседствовали на народных площадях средневековой и Возрождения (по существу же, но в несколько иных формах — и на античных площадях Греции и Рима). У Достоевского на улицах и в массовых сценах внутри домов (преимущественно в гостиницах) как бы оживает и просвечивает древняя карнавально-мистерийная площадь». В связи с этим рассуждением Бахтин утверждает, что культурные и литературные традиции («в том числе и древнейшие») сохраняются и «приходят в произведения литературы, иногда почти вовсе минув субъективную индивидуальную память творцов» (*Бахтин М.* *Формы времени и хронотопа в романе : Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 397).*

и добрых (ср.: «В какой-то глубине, внизу, где-то чуть видно под ногами, показалось ему теперь все это прежнее прошлое, и прежние мысли, и прежние задачи; и прежние темы, и прежние впечатления, и вся эта панорама, и он сам, и все, все... Казалось, он улетал куда-то вверх и все исчезало в глазах его...» — 6, 90). При своем восхождении она встречает различные мытарства. Название «мытарства» и «мытари» заимствовано из древней истории. «Мытарями у евреев назывались лица, назначаемые римлянами для сбора податей. Они обыкновенно брали на откуп собрание этих пошлин и употребляли всевозможные меры, не пренебрегая даже истязаниями, чтобы извлечь для себя наибольшие выгоды. Мытари стояли при особых таможах или заставах, собирая с провозимых товаров пошлины. Заставы эти назывались мытницами, мытарствами. Христианские писатели это название перенесли и на места воздушных истязаний...».¹⁰ В свое время «имя „мытарь” означало человека без чувств, жестокосердного, способного ко всякому злодеянию (...). Такое (...) представление о мытарях перешло от людей и на бесов, стерегущих восхождение души от земли к Небу, по сходству их должностей и по характеру исполнения их теми и другими. Демоны уличают человеческие души не только в соделанных ими грехах, но и в таких, каких они никогда не совершали. Они прибегают к вымыслам и обманам, соединяя клевету с бесстыдством, чтобы вырвать душу из рук ангельских и умножить ею число адских узников».¹¹

Бесам противостоят ангелы. Основания для борьбы добрых и злых сил дает прожитая человеком жизнь: «Всякий христианин от святого крещения приемлет от Бога данного ему ангела-хранителя, который, невидимо храня человека, днем и ночью наставляет его на всякое благое дело во все время жизни его до самого смертного часа и записывает все добрые дела его, в течение всей жизни творимые, чтобы в награду за них человек мог получить от Бога милость и вечное воздаяние в небесном царствии. Точно так же и князь тьмы (...) приставляет к человеку одного из лукавых духов,

¹⁰ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1906. Кн. 7 (Март). С. 535, а также: М., 1910. Кн. 11 (Июль). С. 474. Ср. характерный в этом плане (в плане переноса материальных вещей и понятий в нематериальную сферу) эпизод из «Жизни Аполлония Тианского» (ок. 205—217) Флавия Филострата: «...когда они добрались до границы Двуречья, мытарь, надзиравший за Мостом, привел их в таможеню и спросил, что у них с собой. „Со мною, — отвечал Аполлоний, — Рассудительность, Справедливость, Добродетель, Выдержка, Храбрость, Воздержность”, — и так он перечислил множество имен женского рода. Мытарь, радея о своей корысти, сказал: „Этих рабынь следует записать в таможенное объявление”. — „Никак невозможно, — возразил Аполлоний, — ибо не рабынями они при мне, но господами!» (Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М., 1965. С. 15—16. (Литературные памятники. Большая сер.)).

¹¹ Будущая загробная жизнь на основании Священного Писания и учения святых отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 35.

который (...) следит за всеми злыми делами его, творимыми от юности, своими кознями соблазняет его на преступные деяния и записывает все, что человек сотворил злое. Затем, отходя к мытарствам, сей лукавый дух вписывает каждый грех в соответственное ему мытарство, почему и осведомлены воздушные мытари о всех грехах, творимых людьми».¹²

Всякий грех имеет своих мытарей, назначенных в виде стражей и надзирателей при различных мытарствах. Это «злые наши обвинители, — говорит св. Ефрем Сирианин, — здесь соблазнители и записыватели наших дел дурных, а там истязатели. Они встречают возносимую душу на пути, осматривают ее и вычисляют ее грехи по записям своим, — грехи юности и старости, вольные и невольные, делом, словом и помышлением совершенные. О, какой там страх, какой трепет бедной душе! Неопишима нужда, какую терпит тогда она от неисчислимого множества тьмами окружающих ее врагов, клеветующих на нее, чтоб не дать ей взойти на небо, вступить в страну жизни и поселиться в свете живых».¹³ В то время как бесы без всякого милосердия обвиняют и судят душу, стараясь низвести ее в ад, ангелы, сопутствующие ей, стремятся ее оправдать. Ложь они отделяют от истины; грехам, исчисляемым бесами, они противопоставляют чистосердечную исповедь, раскаяние, искупительное страдание, все добро, которое истязуемая душа помыслила в жизни и совершила. Злонамеренные записям бесов они противопоставляют свидетельства ангела-хранителя и те беспристрастные и подробные «записи», которые вносит в книгу жизни сам Господь, ср.: «Уверь себя, что Бог присутствует на всяком месте. Он видит всякое дело, начинание и помышление твое, слышит всякое слово твое. Он вписывает подробно и с точностью в книгу Свою все поведение твое, объявит тебе его в день суда твоего и воздаст тебе по поведению твоему. *Обличу тя*, говорит Он чрез пророка, *и представлю пред лицем твоим грехи твои*».¹⁴ В видении Григория, ученика св. Василия Нового, блаженная Феодора рассказывает, что когда наступил час разлучения души ее с телом, она увидела множество страшных бесов. «...Все они, — говорит она, — с яростию смотря на меня, грозили мне, набрасывались на меня, скрежеща зубами, и хотели тут же поглотить меня. Приготовляли они и хартии как бы в ожидании судии некоего (...) и развертывали свитки, на которых

¹² Житие преподобного отца нашего Василия Нового // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 7 (Март). С. 543. Ср. у Достоевского в набросках замысла «Сороковины. Книга странствий. Мытарства 1 (2, 3, 4, 5, 6 и т. д.)» (Записная тетрадь, 1875 г.) слова *Молодого человека Сатане*: «Меня всего более бесит, что ко мне приставлен ты (...). Как ты глуп» (17, 6).

¹³ *Св. Ефрем Сирианин. Увещание к покаянию // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1992. Т. 2. С. 336.*

¹⁴ Из келейных записок святого Тихона Воронежского // Отчник, составленный свт. Игнатием (Брянчаниновым). 3-е изд. СПб., 1891. Ч. 1. С. 331.

были написаны все злые дела мои». Когда же душа покинула тело и ангелы приняли ее, обступили их бесы «и начали вопить, показывая написания грехов моих: — „Множество грехов имеет душа эта, — поэтому пусть даст она ответ пред нами“. Святые ангелы начали тогда отыскивать в жизни моей добрые дела и, с помощью Господа Бога, благодатию Коего я творила добро, — обрели их. Они приводили на память все, что только я творила доброго, — когда давала милостыню убогим, когда накормила алчущего, или напоила жаждущего, или одела нагого <...> все это и все другие малейшие дела мои святые ангелы собрали, готовясь положить их на весы против моих злых дел». Бесы, «видя это, скрежетали <...> зубами».¹⁵

Прения о душе между силами мрака и света продолжаютя на всех этапах воздушных мытарств, завершаясь тем или иным исходом. В житии св. Нифонта Кипрского повествуется о том, как Нифонт однажды во время молитвы «увидел отверстые небеса и много ангелов, из которых одни сходили вниз на землю, другие шли вверх, неся на небо человеческие души. И вот, видит он, идут два ангела вверх, неся какую-то душу. И когда приблизились они к блудному мытарству, вышли мытари-бесы и сказали с гневом: „ — Это наша душа, как вы смеете нести ее мимо?“». Но ангелы, не доверяя бесам, призвали ангела-хранителя грешной души, и когда тот заступился за нее, сославшись на исповедь, плач и покаяние, они, «посрамяв бесов, вошли с душою в небесные врата».¹⁶ В другой раз «преподобный видел <...> душу, которую несли в воздухе ангелы, а их встречали полчища бесов; не дошли они и до четвертого мытарства, как бесы отняли из рук святых ангелов ту душу и с поруганием бросили в бездну. Это была душа одного клирика церкви святого Елевферия; этот клирик постоянно прогневлял Бога блудом, чародейством и разбоем, умер же он внезапно без покаяния, и была радость бесам».¹⁷

Итак, мытарства «представляют собою <...> путь, наполненный всякого рода заставами и таможняами, по которым совершают свой переход от временной жизни к вечному жребию все человеческие души»¹⁸ <...> Во время этого перехода каждая душа, в присутствии ангелов и демонов, без сомнения, пред оком всевидящего Судии, постепенно и подробно испытывается во всех ее делах <...> след-

¹⁵ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 7 (Март). С. 532, 534—535.

¹⁶ Там же. М., 1906. Кн. 4 (Дек.). С. 627—628.

¹⁷ Там же. С. 629.

¹⁸ Речь идет только о душах христиан, как это объясняют ангелы блаженной Феодоре. Всем остальным уготован иной жребий: «Еще будучи живы телом, они душою уже мертвы, погребены во аде; поэтому когда они умирают, то бесы тотчас же, без всякого испытания, берут души их, как по праву принадлежащие им, и низводят в пропасти ада» (Там же. Кн. 7 (Март). С. 544). Ср.: Будущая загробная жизнь на основании Священного Писания и учения святых отцов. С. 50—51.

ствием же этого подробного отчета бывает то, что добрые души оправдываются на всех мытарствах и возносятся ангелами прямо в райские обители, а души грешные, задержанные на том или другом мытарстве и обвиненные в нечестии, влекутся по приговору невидимого Судии демонами в их мрачные обители. Таким образом, мытарства суть не что иное, как *частный суд*, который совершает (...). Сам Господь при посредстве ангелов, допуская к тому и *клеветников братии нашей* (Апок. 12, 10), — злых духов (...). Суд этот называется *частным* в отличие от всеобщего, который будет совершен над всеми людьми, при кончине мира, когда Сын человеческий снова придет на землю во славе Своей.¹⁹ Об этом всеобщем и окончательном Суде говорит в начале «Преступления и наказания» Мармеладов: «...а пожалеет нас Тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, Он единый, Он и судия. Придет в тот день (имеется в виду второе пришествие Христа. — В. В.) и спросит: „А где дочь, что мачехе злой и чахоточной, что детям чужим и малолетним себя предала? Где дочь, что отца своего земного, пьяницу непотребного, не ужасаясь зверства его, пожалела?“ И скажет: „Прииди! Я уже простил тебя раз... Простил тебя раз... Прощаются же и теперь грехи твои мнози, за то, что возлюбила много...“ И простит мою Соню, простит, я уж знаю, что простит (...). И всех рассудит и простит (...). И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: „Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!“ И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: „Свиньи вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!“ И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: „Господи! почто сих приемлещи?“ И скажет: „Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего...“ И прострет к нам руке свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем! и все поймут (...) Господи, да приидет царствие твое!» (6, 21).

Понятия о характере и числе добрых и злых духов, беруших, а потом оберегающих или истязующих души, о характере и числе мытарств, об их порядке, как ясно из житий святых и творений православных богословов, различны. Все это не является догмой. Признается лишь общий принцип при возможном разнообразии его отдельных преломлений. Даже начало этих мытарств не всегда следует за смертным часом: оно может ему и предшествовать. Так, св. Иоанн Лествичник рассказывает об одном старце, который за день до кончины «пришел в исступление и с открытыми глазами озирался то на правую, то на левую сторону постели своей и, как бы истязуемый кем-нибудь, говорил иногда так: „да, действительно, это правда; но я постился за это столько-то лет“; а иногда „нет, я

¹⁹ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. Кн. 7 (Март). С. 536.

не делал этого, вы лжете”; потом опять говорил: „так, истинно так, но я плакал и служил братьям”; иногда же возражал: „нет, вы клеветаете на меня”. На иное же отвечал: „так, действительно так, и не знаю, что сказать на сие; но у Бога есть милость” (<...>). В продолжении сего истязания душа его разлучилась с телом; и неизвестно осталось, какое было решение и окончание сего суда и какой приговор последовал.²⁰

То, что мытарства иногда терзают душу до исхода ее из тела, понятно. Ведь они лишь заключительная часть той общей «брани» человека с духами зла, которую он ведет уже в этом мире. Вот почему мытарства Раскольникова, и улетевшего куда-то вверх, и продолжающего оставаться в земных пределах, не противоречат, в принципе, православным верованиям. Путь в рай или ад начинается на земле.²¹ Поэтому души избранных праведников, чья «брань» увенчалась безусловной победой, не знают воздушных мытарств. С другой стороны, их не знают и души закоренелых злодеев.²² По убеждению св. Ефрема Сирианина, «если душа приобрела здесь добрые качества, вела жизнь честную и была добродетельна, то в день ее исшествия добродетели, какие приобрела она здесь, делаются добрыми Ангелами, окружают ее и не попускают прикасаться к ней какой-либо сопротивной силе; но в радости и веселии со святыми Ангелами поемлют ее и относят ко Христу, Владыке и Царю славы (<...>). Если же душа в этом мире жила срамно, предаваясь страстям бесчестия и увлекаясь плотскими удовольствиями и суетою мира сего, то в день исшествия ее из этой жизни те страсти и удовольствия, какие приобрела она в жизни сей, делаются лукавыми демонами, и окружают бедную душу, и не позволяют приблизиться к ней Ангелам Божиим, но вместе с сопротивными силами, князьями тьмы (<...>) отводят в места темные, мрачные и печальные, где блюдутся все грешники на день суда и вечного мучения, куда низринут диавол с своими ангелами».²³

²⁰ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе. 7-е изд. Сергиев Посад, 1908. С. 84.

²¹ Ср., например: «Все вешественное, что ни имеем, что ни приобретаем во время земной жизни, все оставим в день смерти: оставим навсегда родственников, друзей, богатство, почести, оставим самое тело наше. Вечное спасение или вечная погибель, они одни, пребудут нашим достоянием, пойдут с нами в вечность, там получат полное развитие, доставят нам или некончающееся блаженство, или некончающееся бедствие» (Из келейных писем святого Тихона Воронежского // Отечник, составленный свт. Игнатием (Брянчаниновым). Ч. 1. С. 330). Ср. также рассказ о св. Сисое: «Брат спросил Авву Сисоя: что мне делать, Авва? я пал! Старец отвечал: встань. Брат говорит: я встал и опять пал! И опять встань, отвечал старец. Брат еще спросил: доколе же это будет? — Пока не будешь взят из этой жизни добрым или порочным, сказал старец; кто каким тогда окажется, тот таким и пойдет туда» (Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 178).

²² См. примеры: Будущая загробная жизнь на основании Священного Писания и учения святых отцов. С. 29—32.

²³ Св. Ефрем Сирианин. Увещание к покаянию. С. 338—339.

За душой, покидающей тело, Господь посылает особого ангела или ангелов (ангел — греч. *aggelos*, лат. *angelus* — и означает: вестник, посланец), которые в зависимости от достоинств этой души могут быть и доброй, и недоброй природы. В духовном стихе об убогом и богатым Лазаре (к этому стиху отсылают слова Раскольникова, идущего на первое свидание с Порфирием: «Этому тоже надо Лазаря петь <...> и натуральнее петь» — 6, 189; ср.: 7, 380, коммент.) Бог посылает за душой убогого Лазаря ангелов тихих и кротких; когда же пришло время умирать богатому Лазарю,

Послал ему Господи грозных Ангелов, —
Грозных, немилостивых;
Вынули душеньку сквозь ребра его
Железными крючьями;
Понесли душеньку во ад к сатане,
Положили душеньку на огненный костер.²⁴

Этих Божиих посланцев видит св. Нифонт; их видит и один из древних старцев-отшельников, рассказывающий о своем постоянном «умном делании»: «...я смотрю на Ангелов, восходящих и нисходящих для призвания душ из этой жизни в вечность, и непрестанно ожидаю кончины моей, говоря: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое*».²⁵ В «Преступлении и наказании» на таких ангелов, призывающих души на путь мытарств, намекают дворники с повесткой или книжкой. Один из них явился к Раскольникову незамедлительно, ближайшим утром после убийства, другие встретились ему по дороге в «контору». Ср.: «Так и есть: стоят дворник и Настасья.

Настасья как-то странно его (Раскольникова. — В. В.) оглядела. Он с вызывающим и отчаянным видом взглянул на дворника. Тот молча протянул ему серую, сложенную вдвое бумажку, запечатанную бутылочным сургучом.

— Повестка из конторы, — проговорил он, подавая бумагу.

— Из какой конторы?..

— В полицию, значит, зовут, в контору. Известно, какая контора.

— В полицию!.. Зачем?..

²⁴ *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. С. 72. Этот сборник вместе с другими книгами и статьями, касающимися народного быта, вызвал одобрительную оценку А. Григорьева. См. его рецензию, опубликованную в журнале «Время» (1861. № 4. Отд. II. С. 163—181). Ср. также сказанное св. Феодором, епископом Едесским: «...воистину чистым душам, по исходе их из тела, сопутствуют Ангелы, руководя их к блаженной жизни; души же, осквернившиеся и не очистившиеся покаянием, перехватывают, — увы мне! — бесы» (Добротолубие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 3. С. 325).

²⁵ Отечник, составленный св. Игнатием (Брянчаниновым). Ч. 1. С. 379. Заключительные слова старца — Псалом 107, ст. 2.

— А мне почему знать. Требуют, и иди. — Он внимательно посмотрел на него, осмотрелся кругом и повернулся уходить» (6, 73).²⁶

Далее: «„Да когда ж это бывало? Никаких я дел сам по себе не имею с полицией! И почему как раз сегодня? — думал он (Раскольников. — В. В.) в мучительном недоумении. — Господи, поскорей бы уж!“» (6, 74). Затем: «Контора была от него с четверть версты (...) Войдя под ворота, он увидел направо лестницу, по которой сходил мужик с книжкой в руках: „дворник, значит, тут и есть контора“, и он стал подниматься наверх наугад (...) Лестница была узенькая, крутая и вся в помоях. Все кухни всех квартир во всех четырех этажах отворялись на эту лестницу и стояли так почти целый день. Оттого была страшная духота. Вверх и вниз всходили и сходили дворники с книжками под мышкой, хожалые и разный люд обоего пола...» (6, 74—75; ср.: 6, 409). И, как выясняется тут же, всякого звания и достатка (6, 75 и след.). Ни для кого из них посещение полицейской конторы с ее духотой, тошнотворной собственной и привнесенной вонью (ср.: «духота была чрезвычайная и, кроме того, до тошноты било в нос свежую, еще невыстоявшуюся краской на тухлой олифе вновь покрашенных комнат» — 6, 75; далее: «Опять тот же сор, те же скорлупы (...) опять двери квартир отворены настежь, опять те же кухни, из которых несет чад и вонь» — 6, 406), с «громом и молнией», готовыми в любую минуту над каждой головой разразиться, удовольствие не доставляет, и не случайно, конечно, эта «контора» появляется в романе вместе с чертом и, так сказать, на месте черта: « — Прасковья-то Павловна в полицу на тебя хочет жалиться (...).

Он крепко поморщился.

— В полицию? Что ей надо?

— Денег не платишь и с фатеры не сходишь (...)

— Э, черта еще этого недоставало, — бормотал он, скрипя зубами, — нет, это мне теперь... некстати...» (6, 26).

Вызов Раскольникова в контору связан с требованием уплаты долгов, в которых герой, тотчас забыв об этом, в свое время расписался: «Это деньги с вас по заемному письму требуют, взыскание. Вы должны или уплатить со всеми издержками, пенными и прочими, или дать письменно отзыв, когда можете уплатить, а вместе с тем и обязательство не выезжать до уплаты из столицы и не продавать и не скрывать своего имущества. А заимодавец волен продать ваше имущество, а с вами поступить по законам.

— Да я... никому не должен!» (6, 77).

²⁶ В связи с появлением дворника и Настасьи, мужчины и женщины, приведем рассказ св. Феодора Студита в наставлениях монахам: «Умиравший, еще дыша, говорил, что явились ему два некие лица, женщина и мужчина, и обличали его безжалостно, от чего он стонал, взывал о помощи и трясся, ужасаясь исхода из тела» (Святого отца нашего Феодора Студита Подвижнические монахам наставления // Добротолюбие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. Т. 4. С. 546).

Последнее утверждение — неправда: Раскольников действительно должен. Прежде всего — хозяйке. И не ей одной. Он должен также матери, сестре, прочим людям, наконец — себе и Господу Богу. Как каждый человек, он имеет не только права (которыми больше всего озабочен), но и обязанности (долги, не всегда оформленные заемным письмом). Не выполняя своих обязанностей, он грешит, а эти грехи — его долг Господу Богу. Ср.: «Бывает в мире, что один у другого заимообразно берет несколько денег или других каких вещей, и взятое называется *долг*, а взявший *должник*. И чем кто более берет, тем более умножает долг свой {...}. Тако всяк человек, когда заповедь Божию разоряет и согрешает пред Богом, в долг пред Богом впадает, и Ему должником делается; и чим более заповедей Божиих разоряет и Создателю своему согрешает, тем большее бремя долгов собирает. {...}. Откуда грехи человеческие долги пред Богом называются, а грешники — должники, якоже читаем в молитве Господней: *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим*».²⁷

Что касается долга хозяйке, то он Раскольникова не беспокоит: « — Тебе чего? — крикнул он (поручик Порох. — В. В.), вероятно удивляясь, что такой оборванец и не думает стушевываться от его молниеносного взгляда.

— Потребовали... по повестке... — отвечал кое-как Раскольников.

— Это по делу о взыскании с них денег, с *студента*, — заторопился письмоводитель, отрываясь от бумаги. — Вот-с! — и он перекинул Раскольникову тетрадь, указав в ней место, — прочтите!

„Денег? Каких денег? — думал Раскольников, — но... стало быть, уж наверно не *то!*” И он вздрогнул от радости. Ему стало вдруг ужасно, невыразимо легко. Все с плеч слетело» (6, 76). В самом деле, довольно было еще одной расписки, чтобы возмещение хозяйкиных долгов было отложено на неопределенный срок.

«Гром и молния» разразились над героем не тогда, когда поручик Порох метал на него «молниеносные взгляды» и отчитывал, не тогда, когда, «потрясенный непочтительностью, весь пылая», он вместо Раскольникова «набросился всеми перунами» на содержательницу «благородного дома» (6, 78), но тогда, когда он говорил обычным тоном, совсем забыв о «студенте» с его заемным письмом (6, 83). Речь зашла об убийстве. Обморок (мгновенное обмирание, умирание) Раскольникова — указание на особый, из ряда вон выходящий долг. С недавних пор именно он (и только он) героя действительно волнует: ведь за него в любой момент, без проволочек и отлагательств, могут потребовать самого строгого отчета и уплаты. Совершенное героем злодейство — его главный грех, его преступление. Оно-то и уводит Раскольникова за границы этой

²⁷ Творения Иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. 5-е изд. М., 1889. С. 75.

жизни, казня его уже на земле страшной мукой: «Уверенность, что все, даже память, даже простое соображение оставляют его, начала нестерпимо его мучить. „Что, неужели уж начинается, неужели это уж казнь наступает?“» (6, 72). Св. Антоний Великий, разделяя убеждение других святых подвижников, говорил: «...мы должны всегда ревностно исполнять заповеди Божии, твердо помня, что Господь — праведный мздовоздатель и что в каком грехе смерть застигнет человека, за тот он и будет осужден (т. е. наказан. — В. В.). Об этом Он с ясностью свидетельствует и чрез слова пророка Иезекииля: в неправде своей, юже сотвори, в той оумрет» (Кн. пророка Иезекииля, гл. 33, ст. 13).²⁸ И в данном случае — грех убийства ведет преступника к смерти, смерть — к суровому возмездию. Только чистосердечное раскаяние, которого Раскольников не испытывает, и соответственные этому раскаянию дела могли бы освободить героя от долга Господу Богу. «Нам, должникам Своим, — пишет св. Тихон Задонский, — Царь небесный оставляет многие и тяжкие долги грехов (...) но оставляет чистым сердцем к Нему обращающимся и за сотворенные грехи кающимся, и падающим пред Ним и милости от Него просящим (...). Оставляет, говорю, кающимся: ибо грешник не кающийся и от грехов не отстающий, как был, так и есть в долге греховном пред Богом».²⁹

Тяжкое бремя греха — это тот «товар», который захватил Раскольников в дорогу и к своему земному царству (новой, благополучной жизни для себя, своих родных и близких), и к Царству небесному. Это тот «залог», который он, расписавшись за него дьяволу, принужден выкупать на «заставах» с двойной лихвой и процентами — как здешней, так и нездешней мукой.

В горячечном бреду Раскольникова, прямо связанном с вызовом героя в контору, и предшествовавшей этому вызову лихорадочной ночью (сразу после убийства) отчетливо слышны мотивы воздушных мытарств. Между утренним посещением конторы и этим бредом проходит день, в который Раскольников успевает избавиться от всех следов и улик («„Схоронены концы! (...) Все кончено! Нет улик!“ — и он засмеялся» — 6, 86), а вместе с тем и от иллюзии, что, несмотря на преступление, он останется в прежних отношениях с другими людьми. Именно в этот день, едва схоронив «концы» и отсмеявшись, он мрачно и злобно воскликнул: «А черт возьми это все! (...). Ну началось, так и началось, черт с ней и с новою жизнью!» (6, 86), и затем, уносясь вверх, сам отрезал себя «от всех и всего». «Он пришел к себе уже к вечеру (...). Раздевшись и весь дрожа, как загнанная лошадь, он лег на диван, натянул на себя шинель и тотчас же забылся...

²⁸ Житие преподобного Антония Великого // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. М., 1904. Кн. 5. Ч. 2 (Январь). С. 55.

²⁹ Творения Иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Сокровище духовное. С. 75—76.

Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику. Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он никогда еще не слышивал и не видывал. Он и вообразить не мог себе такого зверства, такого иступления. В ужасе приподнялся он и сел на своей постели, каждое мгновение замирая и мучаясь. Но драки, вопли и ругательства становились все сильнее и сильнее» (6, 90). Ср.:

Там вздохи, плач и иступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.
Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики
Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.
И я, с главою, ужасом стесненной:
«Чей это крик? — едва спросить посмел. —
Какой толпы, страданьем побежденной?»
И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.
И с ними ангелов дурная стая,
Что не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.
Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина».

(Данте Алигьери. Божественная комедия.
Ад. Песнь третья / Пер. М. Лозинского)

Бред Раскольникова об истязании его хозяйки поручиком Порохом напоминает начальные мотивы описания дантовского Ада.³⁰

«И вот (...) он вдруг расслышал голос своей хозяйки. Она выла, визжала и причитала, спеша, торопясь, выпуская слова так, что и разобрать нельзя было, о чем-то умоляя, — конечно, о том, чтоб ее перестали бить, потому что ее беспощадно били на лестнице. Голос бывшего стал до того ужасен от злобы и бешенства, что уже только хрипел (...) Вдруг Раскольников затрепетал как лист: он узнал этот голос; это был голос Ильи Петровича. Илья Петрович

³⁰ Ср. также видение преисподней в изображении одного из святых отцов: «Вижу во аде одни стенания и непрестающие слезы, горечь которых никто не может передать словами. Вижу там скрежещущих зубами; страждущих всем телом, объятых трепетом с головы до ног (...). Вижу (...) бесчисленное множество (...) человек; их голоса слились в один голос, в один вопль, в одно рыдание; такого рыдания и вопля никто никогда не слышал на земле» (Отчник, составленный свт. Игнатием (Брянчаниновым). Ч. 1. С. 381).

здесь и бьет хозяйку! Он бьет ее ногами, колотит ее головою о ступени, — это ясно, это слышно по звукам, по воплям, по ударам! Что это, свет перевернулся, что ли?» (6, 90—91).

Но свет как был, так и остался. В действительности «перевернулся» сам Раскольников. Поднимаясь вверх, путями мытарств, он одновременно спускается вниз, в глубины преисподней. Ведь мытарствами заведуют посланцы адской бездны. Кроме того, какой бы ни была последовательность грехов и наказаний в представлении разных православных писателей, предполагается, что она учитывает возрастающую степень вины и соответственно возможного возмездия. Отсюда одно из значений мотива «лестницы» как площадок (своеобразных «застав») и переходов на дороге воздушных истязаний. Ср., например, в житии св. мученицы Перпетуи, которая прежде страдания своего «сподобилась следующего видения (...)

„Я видела, — говорит святая Перпетуя, — золотую лестницу, чрезвычайно высокую, которая доходила от земли до неба; она была столь узка, что по ней едва можно было восходить только поодиночке; бока этой лестницы были увешаны и утыканы острыми мечами, ножами, копьями, кинжалами, гвоздями, крючьями и тому подобными острыми предметами. При нижнем конце лестницы обитал страшный змий, готовый броситься на тех, которые покушались взойти по ней. Не обращая внимания на этого змия, Сатир (брат мученицы, пострадавший вместе с нею. — В. В.) безбоязненно вошел первым на лестницу. Дошедши благополучно до самой последней ступени, он обратился ко мне с такими словами:

— „Перпетуя! я жду тебя, но остерегайся, чтоб змий не поглотил тебя”.

— „Я не боюсь его”, — ответила ему Перпетуя.

И тотчас решила во имя Господа нашего Иисуса Христа идти по лестнице. Подошедши к лестнице, она прежде всего наступила на голову змия, как бы на первую ступень. И когда взойшла на верх лестницы, то увидела прекрасные райские селения и в них множество обитателей. Когда святая Перпетуя рассказала об этом видении своим сподвижникам, все они поняли его, как предсказание о своем страдальческом подвиге». ³¹ В житии св. Перпетуи речь идет о земных страданиях, которые здесь не только предшествуют воздушным мытарствам, но безусловно их заменяют. Подробности описания лестницы (то, что она золотая, что она очень узка, что ее края утыканы острыми предметами) для нас менее важны, чем она сама. Вариации в представлении о мытарствах, как говорилось, вполне возможны, они ничего не меняют по существу. В данном случае они поясняют особое мученичество — мученичество святых, венчающее этих избранных золотом небесной славы.

³¹ Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1905. Кн. 6 (Февр.). С. 18.

Вернемся, однако, к мрачному видению далекого от святости Раскольникова: «Слышно было, как во всех этажах, по всей лестнице собиралась толпа, слышались голоса; восклицания, всходили, стучали, хлопали дверями, сбегались. „Но за что же, за что же, и как это можно!“ — повторял он, серьезно думая, что он совсем помешался. Но нет, он слишком ясно слышит!.. Но, стало быть, и к нему сейчас придут, если так, „потому что... верно, всё это из того же... из-за вчерашнего... Господи!“ Он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась... да и бесполезно!» (6, 91).

Герой понимает, что теперь его уже ничто не спасет — в отличие от сцены убийства, когда накинутый на петлю запор помешал Коху и Пестрякову войти в старухину квартиру и застать там убийцу. Запрется или не запрется теперь герой, уже не важно. С одной стороны, все возможные следы и улики Раскольников успел спрятать и схоронить, а с другой — он и так сидит на запоре. Ведь петля, которая была у него под мышкой, и крюк в виде топора, подкинутый в свое время бесом, прочно удерживают героя в когтях сообщника по «общему делу». Зацепившись этим крючком за убийцу, который уже и не хочет и не может куда бы то ни было двигаться, черт насильно тащит его в «новую жизнь»: «Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, околочил его... Но вот наконец весь этот гам <...> стал постепенно утихать <...>. Вот и толпа расходится с лестниц по квартирам, — ахают, спорят, перекликаются, то возвышая речь до крику, то понижая до шепоту. Должно быть, их много было; чуть ли не весь дом сбежался. „Но, Боже, разве все это возможно! И зачем, зачем он (Порох. — В. В.) приходил сюда!“»

Раскольников в бессилии упал на диван, но уже не мог сомкнуть глаз; он пролежал с полчаса в таком страдании, в таком нестерпимом ощущении безграничного ужаса, какого никогда еще не испытывал» (6, 91). Ради такого страдания и запредельного ужаса поручик Порох, разумеется, и приходил к Раскольникову.

Заметим, что представитель официальной власти здесь, на земле, оказывается мытарем, мелким бесом, нечистой силой низшего разряда там, в потусторонних видениях героя. Полицейская контора, при которой поручик Порох состоит помощником квартального надзирателя и в которую утром вызвали Раскольникова, еще раз (ретроспективно) уподобляется заставе, мытне, где взимают пошлины и долги нематериальной природы. Но явь и бред не вполне совпадают. В бреде поручик Порох вместо Раскольникова набрасывается со своими «перунами» не на Луизу Ивановну (содержательницу «благородного дома»), а на его хозяйку, чьи интересы утром и наяву поручику были гораздо более понятны, чем все «интимности» и «чувствительные подробности» объяснений «бывшего студента» насчет его отношений с хозяйкой (6, 80—81). Хотя всю муку внезапно обрушившихся на нее истязаний пока испытывает один Раскольников («все <...> из того же... из-за вчераш-

него...»), сами эти истязания не случайны. Будучи правой со своим иском и жалобой в глазах официальной власти, перед лицом других, гораздо более взыскательных сил хозяйка оказывается виновной. Она виновна в данном случае в том же грехе, что и ее постоялец — в грехе лжи. Ср. слова Раскольникова в конторе: «Позвольте-с: она именно сказала, что, как только я дам эту бумагу, она опять будет меня кредитовать сколько угодно и что никогда, никогда, в свою очередь, — это ее собственные слова были, — она не воспользуется этой бумагой, покамест я сам заплачу... И вот теперь, когда я и уроки потерял и мне есть нечего, она и подает ко взысканию...» (6, 81). И позже слова Разумихина: « — Скверно, брат, то, что ты с самого начала не сумел взяться за дело (...) как, например, довести до того, чтоб она тебе обеда смела не присылать (...) она, видя, что ты уже не студент, уроков и костюма лишился и что по смерти барышни ей нечего уже тебя на родственной ноге держать, вдруг испугалась; а так как ты, с своей стороны, забился в угол и ничего прежнего не поддерживал, она и вздумала тебя с квартиры согнать. И давно она это намерение питала, да векселя стало жалко. К тому же ты сам уверял, что мамаша заплатит...

— Это я по подлости моей говорил... Мать у меня сама чуть милостыни не просит... а я лгал, чтоб меня на квартире держали и... кормили, — проговорил громко и отчетливо Раскольников» (6, 97).

Грех лжи обычно называют первым в ряду грехов на лестнице мытарств. Так, в житии преподобной Феодоры Цареградской: «Она же рассказала все по порядку: — „Когда я душою своею разлучилась от тела, то увидела страшных эфипов, которые показывали мне свиток с начертанием всех моих первых дел и взвизгивали, как свиньи, скрежеща на меня зубами. Потом взяли меня Ангелы и понесли по мытарствам. Первое мытарство было — лживость...”».³² Ср. также сказанное св. Кириллом Александрийским: «На каждом из (...) мытарств потребуется отчет в особенных грехах.

Первое мытарство — грехов, совершенных посредством уст и языка. На нем представляются (...) грехи, в которых душа согрешила словом, каковы: ложь, клевета, заклятия, клятвопреступления, празднословие...» и т. д.³³ Ср. в Евангелии: «Говорю же вам, что за всякое праздно слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Евангелие от Матфея, гл. 12, ст. 36—37).

Бред Раскольникова о поручике Порохе и хозяйке, лишь отчасти познакомивший его с нездешней мукой, хотя и указывает на

³² Память преподобной Феодоры Цареградской // Жития святых, на русском языке изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского. М., 1906. Кн. 4 (Дек.). С. 850.

³³ Как проводит душа первые сорок дней по исходе из тела: Учение Православной Церкви о мытарствах, о загробном состоянии душ человеческих и о днях церковного поминовения усопших. М., 1998. С. 23—24.

первую ступень в восходящем ряду истязаний, на самом деле не является для героя началом мытарств. Скорее, он — знак дороги, на которую ступил Раскольников несколько раньше, так как мытарства начались для него сразу после убийства и (если вспомнить вдруг возникшие неудачи, ошибки, странную забывчивость и приступы как бы помешанности: «Господи! С ума, что ли, я схожу?» — 6, 64) едва ли не во время его. Но, разумеется, ложь (а также клевета, празднословие и проч.) выделена не случайно. Ведь именно она лежит в основе всех чувств, теоретических построений, поступков (и даже их отсутствия, т. е. праздности), толкающих героя на злодейство. Ср.: «Любопытно, чего люди больше всего боятся? Нового шага, нового собственного слова они всего больше боятся... А впрочем, я слишком много болтаю. Оттого и ничего не делаю, что болтаю. Пожалуй, впрочем, и так: оттого болтаю, что ничего не делаю. Это я в этот последний месяц выучился болтать, лежа по целым суткам в углу и думая... о царе Горохе» (6, 6). Ср.: «Сказка — ложь...».

Намеком на «новую жизнь» следует считать явную перевернутость некоторых ситуаций, отдельных мотивов до преступления и после него. Так, до преступления: «На цыпочках подошел он к двери, приотворил ее тихонько и стал прислушиваться вниз на лестницу. Сердце его страшно билось. Но на лестнице было все тихо, точно все спали...» (6, 56); «Переведя дух и прижав рукой стукавшее сердце, тут же нащупав и оправив еще раз топор, он стал осторожно и тихо подниматься на лестницу, поминутно прислушиваясь. Но и лестница на ту пору стояла совсем пустая; все двери были заперты <...>. На одно мгновение пронеслась в уме его мысль: „Не уйти ли?“ Но он не дал себе ответа и стал прислушиваться в старухину квартиру: мертвая тишина. Потом еще раз прислушался вниз на лестницу...» (6, 61; ср. далее: 6, 64—65). И после убийства: «Долго он выслушивал. Где-то далеко, внизу, вероятно под воротами, громко и визгливо кричали чьи-то два голоса, спорили и бранились. „Что они?..“ Он ждал терпеливо <...>. Он уже хотел выйти, но вдруг этажом ниже с шумом растворилась дверь на лестницу, и кто-то стал сходить вниз, напевая какой-то мотив. „Как это они так все шумят!“ — мелькнуло в его голове» (6, 66 и след.). Затем: «Так пролежал он очень долго. Случалось, что он как будто и просыпался, и в эти минуты замечал, что уже давно ночь <...>. Наконец он заметил, что уже светло по-дневному. Он лежал на диване навзничь, еще остолбенелый от недавнего забытья. До него резко доносились страшные, отчаянные вопли с улицы <...>. Они-то и разбудили его теперь <...>. Он сел на диване, — и тут все припомнил! Вдруг, в один миг все припомнил. В первое мгновение он думал, что с ума сойдет. Страшный холод обхватил его...» (6, 70—71). Наконец: «Он очнулся в полные сумерки от ужасного крику. Боже, что это за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побой и ругательств он

никогда еще не слыхивал и не видывал» и т. д. (6, 90). Далее:
« — Настасья... за что били хозяйку?

Она пристально на него посмотрела (...).

— Это кровь, — отвечала она наконец (...).

— Кровь!.. Какая кровь?.. — бормотал он, бледнея и отодвигаясь к стене. Настасья продолжала молча смотреть на него (...).

— Я сам слышал... я не спал... я сидел (...). Я долго слушал... Приходил надзирателя помощник... На лестницу все сбежались, из всех квартир...

— Никто не приходил. А это кровь в тебе кричит. Это когда ей выхода нет (...) тут и начнет мерещиться...» (6, 91—92). Итак, сначала, когда «все спят», не спит убийца, а потом, когда спит он и видит сны, просыпаются другие, живые и мертвые — те, кровь которых «кричит» чем дальше, тем громче. Она кричит об отмщении.

Сказанное в этой статье не исчерпывает заявленной в ее названии темы. Но здесь можно остановиться. Дальнейший разговор о «хождении души по мытарствам» в «Преступлении и наказании» продолжим в новой работе.